

А. Л. Васин,
старший преподаватель
кафедры теории и истории государства и права
юридического факультета
Казанского (Приволжского) федерального университета,
кандидат юридических наук

РЕВОЛЮЦИЯ И ЛЕГИТИМНОСТЬ (К 100-ЛЕТИЮ ДВУХ РОССИЙСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ)

Революция как социально-политическое явление сочетает в себе два противоположных критерия, пре-
валирование одного из них в конечном итоге и склоняет ее историческую оценку к тем или иным
выводам. С одной стороны, революция является средством (безусловно, радикальным) преодоле-
ния общественных конфликтов. Революция, отвечающая насущным потребностям общества, действитель-
но способна расчистить место для переустройства общественных отношений. В тех случаях, когда кризис
в обществе достиг угрожающих размеров, когда проблемы в полной мере назрели (а иногда и перезрели)
и мешают общественному развитию, когда иные средства урегулирования не используются или уже невоз-
можны, революция становится, вероятно, единственным способом выхода из тупиковой ситуации. В этом
и состоит исторический позитив революции как необходимого в отдельных случаях средства социально-по-
литического прогресса.

В то же время революция по своей природе явление экстраординарное, надрывное, вынужденное.
Она происходит, когда размеренная и постепенная эволюция по каким-то причинам дает сбой, и для даль-
нейшего развития у общества не остается другого выхода, кроме резкого скачка. Сам термин в числе про-
чего означает переворот, смещение, внезапную перемену. В этом смысле революция сродни массовому
бунту. Здесь и кроется главная опасность всех революций: в их чрезвычайном характере, в вынужденном
радикализме, когда в запале революционного энтузиазма весьма легко переступить грань правомерного
и допустимого. Как заметил когда-то Отто фон Бисмарк, революцию замышляют романтики, осуществля-
ют фанатики, а ее плодами пользуются проходимцы. Опыт Великой французской буржуазной революции
1789 г. и последовавших за ней событий красноречиво свидетельствует о том, что благочестивые призывы
к свободе, равенству и братству в стремительной суматохе революционных потрясений могут смениться
массовой гильотиной для несогласных.

Впрочем, современное понимание социальных конфликтов подразумевает не только противо-
борство и противостояние сторон такого конфликта, но и своего рода борьбу на взаимное уничтожение:
«Социальный конфликт можно определить как взаимодействие двух и более субъектов на основе проти-
воречивых, взаимоисключающих потребностей, интересов, ценностей и целей деятельности, протекающее
в форме открытого столкновения сторон, специфическими целями которых являются вытеснение, подавле-
ние или уничтожение противостоящей стороны»¹.

Говоря о термине «революция», нельзя не упомянуть и еще об одной его грани. Современная дей-
ствительность демонстрирует такой специфичный феномен, как «цветная революция». При этом трудно
не заметить очевидного отличия цветных революций от их классического варианта. Фактически «цветная
революция» является формой прикрытия, ширмой для насильственного и заведомо неправомерного го-
сударственного переворота. Как правило, «цветная революция» затевается и осуществляется отнюдь не
в интересах большинства населения. Такая революция даже если использует видимость опоры на движение

¹ Чулюкин И. Л., Муратова Н. Д. Социальные конфликты и применение права: межотраслевой аспект. Казань, 2014. С. 17.

народных масс, в реальности отражает узкокорпоративный и даже иностранный интерес. В этом смысле «цветная революция» (вопреки названию) сродни заговору. По своей сути эта политическая технология является псевдореволюцией. Научные рассуждения о легитимности подобных заговоров являются заведомо беспочвенными.

В указанной двуединой природе революции заключается и ее привлекательность как стремительного средства обновления, и одновременно опасность ее разрушительной и слабо контролируемой силы. В связи с этим революция практически всегда нуждается в обосновании своей легитимности, равно как в доказательстве легальной основы новой власти. Вероятно, не будет преувеличением утверждать, что революция и легитимность — это два тесно взаимосвязанных вопроса, рассмотрение первого из них неизбежно приводит к необходимости ответа и на второй.

В отечественной правовой науке продолжается поиск наиболее удачного и адекватного определения термина «легитимность». В частности, отмечается, что «в последние десятилетия данная категория довольно активно используется в учебной и научной юридической литературе, но нет ни единства в понимании, ни концепции легитимности именно применительно к праву, а не к государству... Общая теория права активно использует такие термины, как “легитимность”, “легитимация”, “общественное признание”, при характеристике различных правовых вопросов, но до сих пор разработка легитимности как правовой категории, несмотря на актуальность, не ведется активно, исследуются преимущественно аспекты, связанные с правовой политикой или касающиеся разработки не только категорий права, но и государства»². Термин «легитимность» происходит от латинского *legitimus*, что означает согласный с законами, правомерный, надлежащий, должный, правильный. Наиболее распространенное понимание легитимности можно передать следующим образом: «Легитимность представляет собой сущностное свойство государственной власти. В настоящее время понимание легитимности власти как ее законности значительно устарело, объем содержания данного термина серьезно расширился. Легитимность стала означать не только законность происхождения и способа установления власти, когда граждане государства признают ее право предписывать им тот или иной способ поведения, а также выражают готовность подчиняться существующим государственным институтам»³.

Современный конституционализм убедительно показывает, что у демократического общества (или претендующего быть таковым) должны быть легальные средства проявления несогласия с текущей политической ситуацией, включая такие, в которых так или иначе просматривается революционно-бунтарская предтеча. Так, например, ст. 31 Конституции закрепляет, что «граждане Российской Федерации имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование». В развитие данной конституционной нормы принят и действует Федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях». Даже буквальное истолкование пределов правомерного поведения в порядке реализации данного конституционного права наглядно проявляет внутреннюю конкуренцию двух противоборствующих начал — дозволенного и охранительного. В частности, указанная норма разрешает проводить собрания, которые являются, пожалуй, наиболее мягкой формой выражения общественного несогласия или социального протеста. В этой форме едва ли еще можно уловить признаки революционного наследия. В некотором смысле подобная оценка может быть обращена и к пикетированию, которое согласно вышеуказанному Федеральному закону может состоять даже из одного гражданина (или более). Зато в других формах, предусмотренных упомянутой статьей Конституции, «бунтарский» потенциал куда как более очевиден. В числе таких форм, например, митинги, демонстрации и шествия. Всех их объединяет признак массовости, а массовый протест — это уже серьезная общественная акция, в основе которой заключен если и не революционный, то, по крайней мере, квазиреволюционный дух. Здесь уровень протеста может достигать весьма большого напряжения. В данном контексте отнюдь не лишними являются конституционные упоминания о том, что все перечисленные формы общественного несогласия должны осуществляться мирно и без оружия.

Наша Конституция на этом завершает перечень правомерных форм общественного протеста. Эта осторожность навеяна, надо полагать, горьким опытом, который оставили после себя обе революции, 100-летие которых мы сейчас отмечаем, и последовавшая за ними Гражданская война. Но современный

² Денисенко В. В. О понимании термина «легитимность» как категории правоповедения // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. «Право». 2011. № 2. С. 104–105.

³ Ивлев С. В., Мельникова И. С. Основные подходы к определению понятия «легитимность власти» // Вестник Кемеровского государственного университета. Сер. «Политические науки и социология». 2008. № 2. С. 69.

конституционализм на примере других стран демонстрирует и более радикальные средства легитимизации форм несогласия народа с действиями или бездействием власти. Речь идет, в частности, о так называемом праве на сопротивление угнетению. Впервые оно было сформулировано в преамбуле к Декларации независимости США 1776 г. Затем было упомянуто в ст. 2 французской Декларации прав и свобод человека и гражданина 1789 г. На данную Декларацию, кстати, прямо ссылается действующая Конституция Франции от 4 октября 1958 г., что гарантирует ей место в правовой системе Пятой республики. Право на сопротивление (насилию, угнетению) закреплено и в ст. 20 (п. 4) Основного закона ФРГ.

Если к приведенным примерам добавить естественно-правовой характер прав и свобод человека и гражданина, то можно утверждать, что в современных условиях правовые системы государств готовы до определенной степени воспринимать на легитимной основе даже весьма серьезные проявления социального протеста, в том числе изрядно наполненного революционным (или квазиреволюционным) содержанием. Степень этой восприимчивости, конечно, неодинакова, как неодинаковы исторические пути, судьбы и опыт преодоления революционных потрясений. Представляется, что в нашем российском историческом контексте определенная сдержанность и наличие государственно-охранительного мотива в указанном конституционном регулировании вполне оправдано.